

БАСНИ
ВЕСЕЛОЕ ЛУКАВСТВО
УМА

РУССКАЯ КУЛЬТУРА

ИВАН КРЫЛОВ

Русская культура

Иван Крылов

Басни. Веселое лукавство ума

ТД "Белый город"

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)1

Крылов И. А.

Басни. Веселое лукавство ума / И. А. Крылов — ТД "Белый город", — (Русская культура)

ISBN 978-5-00119-260-2

Иван Андреевич Крылов (1769–1844) — самый крупный и самый известный баснописец в русской литературе. Он не достиг высоких чинов, но был весьма уважаемым и почитаемым поэтом, которого признавали литераторы самых разных лагерей и направлений. Вскоре после смерти за ним закрепилось прозвание «дедушка Крылов», в котором сфокусировалось представление о добром и лукавом, снисходительном и заботливом старце-мудреце. Каждая басня его по отдельности — это нравоучение по отдельному поводу жизни. Басни его, взятые вместе, — это наглядная демонстрация того, что в мире нет абсолютных истин, и на многие вещи можно и нужно смотреть не с одной какой-то стороны, поэтому всякое нравоучение и уж тем более философское построение нужно проверять мудростью самой жизни. Басни И.А. Крылова обычно считают детским чтением. Но их можно и нужно перечитывать в каждом возрасте, потому что каждый возраст найдет в них то, что в более молодых годах мы не заметили. В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)1

ISBN 978-5-00119-260-2

© Крылов И. А.
© ТД "Белый город"

Содержание

И.А. Крылов и его басни	7
Басни	23
Книга Первая	23
I. Ворона и Лисица	23
II. Дуб и Трость	23
III. Музыканты	24
IV. Ворона и Курица	26
V. Ларчик	28
VI. Лягушка и Вол	31
VII. Разборчивая Невеста	32
VIII. Парнас	34
IX. Оракул	37
X. Василек	38
XI. Роща и Огонь	39
XII. Чиж и Еж	41
XIII. Волк и Ягненок	41
XIV. Обезьяны	44
XV. Синица	46
XVI. Осел	48
XVII. Мартышка и Очки	50
XVIII. Два Голубя	51
XIX. Червонец	54
XX. Троеженец	56
XXI. Безбожники	58
XXII. Орел и Куры	59
Книга Вторая	61
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Иван Андреевич Крылов

Басни. Веселое лукавство ума

Серия «
Русская культура
»

Составитель и автор вступительной статьи М.В. Строганов

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ПРОГРАММА ПРАВИТЕЛЬСТВА МОСКВЫ

Выпуск осуществлен при финансовой поддержке Департамента средств массовой информации и рекламы города Москвы

Тексты басен печатаются по последнему прижизненному изданию И. А. Крылова (1843) с незначительными поправками по позднейшим изданиям.

© Строганов М.В., составление, вступительная статья, 2026

© Издательство ООО ТД «Белый город», 2026

И.А. Крылов и его басни

И.А. Крылова считают детским писателем и сводят все его басни к морали, к нравовучению. Но мораль только отпугивает детей, потому что взрослые и без басен постоянно учат их. А взрослые забывают, что они сами все эти морали давно уже знают, однако то и дело поступают вопреки всяким моралям и правилам. И всё же стихи Крылова продолжают жить и нравиться читателям. Попробуем прочитать их без морали и нравовучения.

1

Иван Андреевич Крылов родился 2 февраля 1769 года в Москве, в семье офицера, который получил звание потомственного дворянина за выслугу чинов. Во время Пугачевского восстания А.П. Крылов был армейским капитаном в Яицкой крепости, но когда в 1774 году эта крепость попала в окружение, он успел отправить жену с маленьким сыном Иваном в Оренбург, который, правда, тоже вскоре был осажден. Комендант Яицкой крепости при подходе отрядов Е.И. Пугачева впал в панику, поэтому капитан Крылов возглавил оборону, и восставшие, захватив городок, не смогли взять крепость. За свое мужество и находчивость капитан Крылов не получил никаких наград и, выйдя в отставку в том же 1774 году, служил с 1776 года, как пишет один из его ранних биографов, «председателем губернского магистрата» в Твери¹, хотя магистраты были только городскими, а руководили их работой бургомистры. Биографы Крылова обычно пишут, что эта должность не приносила большого дохода, поэтому семья (жена Мария Алексеевна и два сына, Иван и Лев) жила достаточно бедно. Но на самом деле изначально магистраты контролировали сбор налогов и пошлин с торгово-ремесленного населения, законность торговых операций, выясняли и фиксировали численность и имущественное положение горожан, выдавали свидетельства на участие в откупках и подрядах, выявляли неплательщиков налогов, контролировали рекрутский набор, выдавали паспорта. Понятно, что для умелого председателя все эти виды деятельности представляли широкое поле для обеспечения даже при низком официальном окладе, и хотя в 1770-е годы полномочия магистратов были сужены до судебных, но происходило это медленно, к тому же и одна судебная волокита могла прокормить умелого человека. Видимо, Андрей Прохорович Крылов был либо не самым расторопным человеком и не умел пользоваться своим положением, либо излишне честным председателем и не хотел пользоваться им, о чем отчасти свидетельствует тот факт, что Иван Крылов унаследовал после смерти отца в 1778 году большой сундук с книгами – большая редкость по тому времени. Но на книги не проживешь, и вдова с двумя сыновьями осталась без средств к существованию. Правда, Иван уже в 1777 году был записан подканцеляристом в Калязинском уездном суде, однако эта запись на службу давала не деньги, а возможность по истечении определенного количества лет получить более высокий чин. Но уже в год смерти отца Иван Крылов числился канцеляристом в тверском магистрате.

Служебное жалованье девятилетнего Крылова едва позволяло прокормить семью. Вместе с тем нельзя не заметить, что, по свидетельству ряда мемуаристов, он учился в лучших тверских домах: либо вместе с сыном правителя Тверского наместничества Т.И. Тутолмина², либо вместе с детьми Н.П. или П.П. Львовых³. Положение приживала было, конечно, незавидным,

---

¹ Поминки по Иване Андреевиче Крылове. Читано в заседании Тверской ученой архивной комиссии А.К. Жизневским. Тверь: Тип. Губернского правления, 1895. С. 1.

² Поминки по Иване Андреевиче Крылове. С. 7; Алексей Тимофеевич Тутолмин (род. 25 ноября 1770).

³ Поминки по Иване Андреевиче Крылове. С. 7; И.А. Крылов в воспоминаниях современников / Вступит, статья, составление, подгот. текста и коммент. А.М. Гордина, М.А. Гордина. М.: Художественная литература, 1982. С. 372. Близкими по

но какое-то образование давало. Через пять лет после смерти мужа мать Крылова отправилась с Иваном и младшим сыном Львом в Петербург, где Иван Крылов, официально не уволенный вопреки правилам со службы в Твери, был принят на службу в Петербургскую казенную палату. Это и сейчас кажется чистой воды авантюрой: Крыловы выпустили из рук пускай и маленькую синицу в погоне за журавлем в небе. Но следует учесть, что покойный Андрей Крылов был знаком по секретной комиссии в Яицком городке с С.И. Мавриным, который с 24 мая 1782 года по 8 декабря 1783 года служил петербургским вице-губернатором, а затем и начальником Казенной палаты, а кроме того, Р.Е. Татищев, который был в 1777 году прокурором Тверского наместничества, служил позднее в экспедиции о государственных доходах, а с 1783 года помимо этого еще и прокурором в Берг-коллегии. Как следует полагать, овдовевшая Мария Крылова трезво продумала и даже заранее обговорила весь этот переезд в Петербург с нужными людьми. Понятно, что риск при переезде все равно оставался, но, скорее всего, уезжали Крыловы из Твери не в никуда, а в какое-то подготовленное место.

Пятнадцатилетний Крылов приехал в Петербург не с голыми руками. Рассчитывая не только на чиновничье поприще, он привез с собой и написанную, видимо, еще в Твери комическую оперу «Кофейница». В Петербурге Крылов довольно быстро сближается с театральными деятелями И.А. Дмитриевским, П.А. Плавильщиковым, С.И. Сандуновым, а директор императорских театров П.А. Соймонов берет его к себе на службу в Горную экспедицию. Но высмеяв в комедии «Проказники» Я.Б. Княжнина, Крылов ссорится с Соймоновым, бросает службу и пытается стать профессиональным писателем. На средства издателя и литератора И.Г. Рахманинова он начинает издавать в 1789 году сатирический журнал «Почта духов», состоявший из писем «духов» с того света, которые, прибыв в Петербург, высмеивали современные нравы и обычаи. Вполне естественно, что этот радикально-острый, хотя вовсе и не революционный журнал был вскоре запрещен, скорее всего, из-за ужесточения цензуры в связи с Французской революцией 1789 года (но столь же кратковременной была судьба и других сатирических журналов XVIII века). Однако Крылов не оставил свою затею и в 1791 году вместе с А.И. Клушиным, Дмитриевским и Плавильщиковым создал свою типографию, где в 1792 году печатали журнал «Зритель», а в 1793 году журнал «Санкт-Петербургский Меркурий». Но в конце 1793 года

Клушин и Крылов, ощущая угрозу преследований (есть сведения, что их даже вызывали к Екатерине II), покинули Петербург. В.Г. Белинский считал попытку Крылова зарабатывать на периодическом издании «не прихотью, а признаком высшего призвания»⁴. Однако Крылов, скорее всего, опирался на опыт сатирической журналистики 1769–1770 годов, не учитывая того, что даже относительно либеральные времена начала царствования Екатерины II уже давно прошли.

Зарабатывать на периодике – это было дело, несомненно, рискованное, но в 1794–1796 годах Крылов пускался и в какие-то другие авантюры (очевидно, зарабатывал на жизнь игрой в карты, что при его нерядовых математических способностях неудивительно), однако биографы о них умалчивают. В 1797 году он уехал в родовое имение князя С.Ф. Голицына село Казацкое на Украине в качестве учителя детей и секретаря, где для домашнего театра Голицына написал шуто-трагедию «Трумф, или Подщи-па», в которой не было никаких конкретных политических намеков, но которую по причине насмешливого изображения «власти» нельзя было ставить на большой сцене. В 1801 году князь Голицын был назначен генерал-губернатором Риги, а Крылов стал его секретарем и написал легкую комедию «Пирог». Но в 1803 году

возрасту были Василий Николаевич Львов (род. 1767); Федор Петрович Львов (род. 20 июня 1766), Дмитрий Петрович Львов (род. 1771) (*Львова А.П., Бочкарева И.А.* Род Львовых. Торжок: Всероссийский историко-этнографический музей, 2004. С. 49, 54–55).

⁴ *Белинский В.Г.* Иван Андреевич Крылов // *Белинский В.Г.* Полное собрание сочинений: в 13 т. М.: АН СССР, 1955. Т. VIII. С. 588.

Крылов оставил Голицына, и два года прошли, по намекам современников, вновь в большой игре в карты, так что ему даже было запрещено появляться в столицах. Карточная игра, магические исцеления, превращения металлов в золото – это обычные в век Просвещения практики многочисленных авантюристов. Перед нами, таким образом, с одной стороны, картежник, авантюрист и вообще темный человек (потому что, если мы не знаем его занятий и заработков в течение двух лет, можно неведь что предположить), а с другой стороны, свободолюбивый мыслитель, который отлично разбирался в различных направлениях современной философской мысли.

В послании «К другу моему (А. И. К.<лушину>)» (1793) Крылов писал:

Сует, бывало, ненавидя,
В тулупе летом дома сидя,
Чинов я пышных не искал;
И счастья в том не полагал,
Чтоб в низком важничать народе, —
В прихожих ползать не ходил.
Мне чин один лишь лестен был,
Который я ношу в природе, —
Чин человека; – в нем лишь быть
Я ставил должностью, забавой;
Его достойно сохранить
Считал одной неложной славой⁵.

Но если человек дорожит только чином человека, который даровала ему природа, если он дорожит естественными правами и обязанностями, то он, казалось бы, должен быть последователем философии Ж.-Ж. Руссо и видеть идеал общественной жизни в прошлом. Однако в «Послании о пользе страстей» (1795, 1808) Крылов возражал на это:

А все-таки золотят этот век,
Когда труды природы даром брали,
Когда ее вещам цены не знали,
Когда, как скот, так пасся человек.
Поверь же мне, поверь, мой друг любезный,
Что наш златой, а тот был век железный,
И что тогда лишь люди стали жить,
Когда стал ум страстям людей служить⁶.

Мы еще будем говорить о философии Крылова, а сейчас заметим, что фигура философа-авантюриста весьма характерна для XVIII века⁷. Кажется, никогда ранее и позднее не было столько самозванцев, мистификаторов и шарлатанов. Калиостро и Сен-Жермены самых разных толков наполняли Европу: мистифицируя своих клиентов общением с потусторонним миром, они ловко подтасовывали карты. Другой ее вариацией философа-авантюриста был маркиз де Сад (Донасьен Альфонс Франсуа де Сад): своим поведением он опровергал существующие условности во имя естественности, которую своим гротесковой последовательностью

---

⁵ Крылов И.А. Полное собрание сочинений. Т. III: Басни. Стихотворения. Письма. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1946. С. 250.

⁶ Там же. С. 308.

⁷ Строев А.Ф. Те, кто поправляет Фортуны. Авантюристы просвещения. М.: НЛО, 1998.

доводил до противоестественности, до извращения. Крылов и в карты играл, наверное, как Алессандро Калиостро, и голым по имени Татищева ходил (правда, в отсутствие хозяев имения), как де Сад. Позднее резкие, крайние формы воплощения этой фигуры философа-авантюриста заменятся формами более спокойными, так сказать приглаженными, но все равно эпатирующими; это будут формы анекдота. Забавные привычки, странности, чудачества. «Трудно найти человека, которого жизнь была бы до такой степени обогащена анекдотическими событиями, как жизнь Крылова. По своему характеру, привычкам и образу жизни он беспрестанно подвергался тем случаям, в которых выражаются резкие особенности ума, вкуса, добродушия или слабостей»⁸. Анекдотов этих не так много, но их повторяют все мемуаристы. Однако самое главное состоит в том, что придумывал все эти анекдоты сам Крылов. Он демонстрировал образ естественного человека: лень, пренебрежение социальными условностями и обязанностями, пристрастие к еде (хотя он не столько много ел, сколько много говорил о еде). Но в действительности же он был и трудолюбив, и трудоспособен, он стремился заработать на жизнь и себе, и своим наследникам.

В конце 1805 или в начале 1806 года Крылов возвратился в Петербург. Авантюрный период закончился, и жизнь Крылова вступает в обычное и вполне благополучное русло. В 1808 году он поступает на службу в монетный департамент, а в 1810 году переходит в Императорскую публичную библиотеку (ныне Российская национальная библиотека), директором которой был А.Н. Оленин. Должность его была невысокой – помощник библиотекаря, но одновременно ему дали казенную квартиру и назначили ежегодную пенсию в 1500 рублей, а все вместе это составило хорошее содержание. Должность библиотекаря он получил в 1816 году; пенсию удвоили в 1820 году, а в 1834 году увеличили вчетверо, при выходе в отставку в 1841 году с чином статского советника ему сохранили полное содержание, так что его годовой доход составлял 11 700 рублей. В 1811 году Крылов стал членом Российской академии, а в 1823 году получил от нее золотую медаль за литературные заслуги; когда в 1841 году Российская академия была преобразована в Отделение русского языка и словесности Академии наук, Крылов был утвержден ординарным академиком.

В 1807 году на столичном театре появились три новые пьесы Крылова: «Модная лавка», «Урок дочкам» и «Илья Богатырь, волшебная опера». На сцене все они имели большой успех, и современники ставили Крылова рядом с популярным тогда драматургом князем А.А. Шаховским. Однако Крылов решил покинуть театр и по совету И.И. Дмитриева, который сам был известен как баснописец, перевел с французского языка три басни Лафонтена: «Дуб и Трость», «Разборчивая невеста», «Старик и трое молодых», – они были опубликованы в 1806 году в журнале «Московский зритель». В 1808 году в «Драматическом вестнике» появляется еще 17 басен, в том числе несколько с оригинальными сюжетами. А в 1809 году Крылов издает первое отдельное издание – 23 басни и сразу становится ведущим русским баснописцем.

Первые басни Крылова «Стыдливый игрок», «Судьба игроков», «Новопожалованный осел» (авторство Крылова последней басни предположительно) появились без подписи в журнале «Утренние часы» еще в 1788 году. Но то была еще просто дань жанру, обычному для литературы Просвещения. С 1809 года создание басен стало творческим проектом. Сборники басен выходили регулярно, Крылов постоянно расширял сборники и переделывал басни, и каждый новый тираж становился все больше. В 1830 году книгоиздатель А.Ф. Смирдин выкупил у Крылова право на издание его басен на десять лет тиражом 40 тысяч экземпляров за 40 тысяч рублей. И надо признать, что и Смирдин, и Крылов остались не в накладе от этого предприятия. А после окончания этого срока, перед смертью, в 1843 году Крылов выпустил последнее прижизненное издание басен в девяти книгах тиражом в 12 тысяч, и он тоже был распродан.

⁸ Плетнев П.А. Иван Андреевич Крылов // И.А. Крылов в воспоминаниях современников. С. 191.

2 февраля 1838 года в Петербурге праздновали 50-летний юбилей литературной деятельности Крылова⁹. Это было первое юбилейное чествование писателя в государственном масштабе. В честь юбиляра была отчеканена памятная медаль с надписью: «2 февраля 1838 года. И.А. Крылову в воспоминание пятидесятилетия литературных его трудов от любителей русской словесности», а император Николай I удостоил баснописца ордена Св. Станислава II степени. А в 1848 году, после смерти Крылова, Императорская Академия художеств объявила конкурс на лучший проект памятника баснописцу. Через полтора года из нескольких десятков проектов комиссия выбрала работу скульптора П.К. Клодта, которая и была установлена в Летнем саду в 1855 году. И это был первый памятник писателю в России. Мы еще скажем, почему мнение общества и власти странным образом совпали.

В принципе, вся вторая половина жизни Крылова выглядит вполне благополучной и респектабельной. И даже личная жизнь его вписывалась в нормы его времени. В 1791 году Крылов полюбил молодую девушку Анну, которая ответила ему взаимностью. Но брак не состоялся, и Крылов никогда не был женат. Однако кухарка Феня, которая долгое время жила у Крылова, родила девочку Сашу, которую современники считали внебрачной дочерью Крылова. Их убеждало в этом то, что после смерти матери Александра продолжала жить в доме Крылова, а позже он обучал ее в пансионе за свой счет, дал за ней большое приданое, нянчил ее детей и завещал все свое имущество ее мужу.

Скончался Крылов 9 ноября 1844 года. «На другой день по кончине Крылова более тысячи особ в Санкт-Петербурге получили по экземпляру басен его, которые, начав печатать в 1843 году и кончив издание под собственным надзором, он не успел еще пустить в свет. Все эти книги разосланы были в траурной обертке со следующими словами, припечатанными на первом заглавном листе: “Приношение. На память об Иване Андреевиче. По его желанию. Санкт-Петербург, 1844, 9 ноября, $\frac{3}{4}$ 8-го, утром”»¹⁰. Именно по этому последнему изданию басен¹¹, которое подготовил сам Крылов, мы и печатаем в настоящем сборнике все басни: в том порядке и с разделением на те девять книг, как сделал сам автор. Это его «приношение» всем нам «на память об Иване Андреевиче» – «по его желанию».

Так что же завещал нам Крылов?

2

П.А. Вяземский признавался в письме к А.А. Бестужеву от 9 марта 1824 года: «Крылова уважаю и люблю как остроумного писателя, но в эстетическом, литературном отношении всегда поставлю выше его Дмитриева и скажу свое мнение без зазрения и страха, ибо не признаю никаких условных властей в республике словесности. Скажу более, Крылова ценю выше казенной оценки так называемых его почитателей. Чему большая часть из них дивится в нем? Что выдало ему открытый лист на общенародное уважение? Плоскости, пошлости, вредящие его истинному достоинству. У всех на языке “а философ без огурцов!.. Ай, моська! Знать, она сильна, что лает на слона” и шуточки подобные, да вот и все! А, конечно, не в этих прибаутках лубочных заключается знаменье его дарования. Крылову многие поклоняются как временщику, его должно уважать как истинного вельможу. Ищите в нем не мишуру, кидающую

⁹ См. об этом юбилее: *Лямина Екатерина, Самовер Наталья*. Крылов и многие другие: генезис и значение первого литературного юбилея в России // Новое литературное обозрение. 2017. № 145 (3). С. 158–177; *Лямина Екатерина, Самовер Наталья*. Крыловский юбилей 1838 г. как культурный и идеологический феномен // Транснациональное в русской культуре: сборник статей / Ред. Геннадий Обатнин и Том Хуттунен. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 6–83; *Лямина Е., Самовер Н.* Иван Крылов – Superstar. Феномен русского баснописца. М.: Новое литературное обозрение, 2024.

¹⁰ *Плетнев П.А.* Из очерка «Жизнь и сочинения Ивана Андреевича Крылова» // И.А. Крылов в воспоминаниях современников. С. 233.

¹¹ Басни Ивана Андреевича Крылова: В 9 кн. СПб.: Тип. военно-учебных заведений, 1843.

юся в глаза, но отыскивайте золото, требующее внимания проницательного, и тогда, сравнивая золото одного и другого, отдадите вы преимущества Дмитриеву, ибо золота в нем более, и оно лучшей пробы...»¹² Вяземский справедливо, в общем-то, возмущается тем, что басни Крылова растащили на цитаты и за этими цитатами не видят целого; но несправедливо критиковать Крылова за то, что многие выражения его стали крылатыми и обогатили русский язык, хотя вполне закономерно оторвались от своего первоисточника. Вяземский справедливо видит, что в басне «Сочинитель и Разбойник» Крылов решает вопрос об ответственности писателя перед обществом за свои сочинения, и этот вопрос заглядывает в далекую даль, в раннюю работу М.М. Бахтина «Искусство и ответственность» (1919); но едва ли справедливо полагать, что Крылов считает Вольтера виновником Великой французской революции. Наконец, Вяземский справедливо видит в басне «Огородник и Философ» критику спекулятивной философии; но он делает несправедливый вывод, что басня направлена против науки как таковой и всех ее носителей¹³.

Мы специально остановились так подробно на мнении Вяземского, поскольку, как обычно бывает, ошибки современников в восприятии художественного произведения яснее показывают наиболее сложные места в этом произведении.

В статье «О предисловии г-на Лемонте к переводу басен И.А. Крылова» (1825) А.С. Пушкин писал: «Конечно, ни один француз не осмелится кого бы то ни было поставить выше Лафонтена, но мы, кажется, можем предпочитать ему Крылова. Оба они вечно останутся любимцами своих единоземцев. Некто справедливо заметил, что простодушие (*naïveté*, *bonhomie*) есть врожденное свойство французского народа; напротив того, отличительная черта в наших нравах есть какое-то веселое лукавство ума, насмешливость и живописный способ выражаться: Лафонтен и Крылов представители духа обоих народов»¹⁴. Вяземского такое суждение раздражило до последней степени. И он возражал Пушкину 16 октября 1825 года: «Твоя статья о Лемонте очень хороша по слогу зрелому, ясному и по многим мыслям блестящим. Но что такое за представительство Крылова? Следовательно, и Орловский представитель русского народа? Как ни говори, а в уме Крылова есть все что-то лакейское: лукавство, брань из-за угла, трусость перед господами, все это перемешано вместе. Может быть, и тут есть черты народные, но, по крайней мере, не нам признаваться в них и не нам ими хвастаться перед иностранцами. И <—> есть некоторое представительство человеческой природы, но смешно же было бы живописцу ее представить как отличительную принадлежность человека. Назови Державина, Потемкина представителями русского народа, это дело другое; в них золото и грязь наши *par excellence* <по преимуществу, *фр.*>; но представительство Крылова и в самом литературном отношении есть ошибка, а в нравственном, государственном даже и преступление, *de lèze-nation* <оскорбление нации, *фр.*> тобою совершенное»¹⁵. Для Вяземского представлять нацию может только нечто высокое. Но для Пушкина нацию представляет то, что представляет, и он отвечал около 7 ноября 1825 года: «Ты уморительно критикуешь Крылова; молчи, то знаю я сама, да эта крыса мне кума. Я назвал его представителем *духа* русского народа – не ручаюсь, чтоб он отчасти не вонял. – В старину наш народ назывался смерд (см. госп<одина> Кар<амзина>)»¹⁶. От правды не уйдешь, и обманывать себя Пушкин не собирался. Пушкин понимал, что Крылов скептически относится к человеческой природе и поэтому не собирался никого учить:

¹² Из писем. П.А. Вяземский // И.А. Крылов в воспоминаниях современников. С. 322.

¹³ Вяземский П.А. Из статьи «Известие о жизни и стихотворениях Ивана Ивановича Дмитриева». Приписка // И.А. Крылов в воспоминаниях современников. С. 173–174.

¹⁴ Пушкин А.С. Полное собрание сочинений. [Л.:] АН СССР, 1949. Т. 11. С. 34.

¹⁵ Из писем. П.А. Вяземский // И.А. Крылов в воспоминаниях современников. С. 322–323.

¹⁶ Пушкин А.С. Полное собрание сочинений. Т. 13. С. 240.

Уж сколько раз твердили миру,
Что лесть гнусна, вредна; но только все не впрок,
И в сердце льстец всегда отыщет уголок.

Пушкин понимал, что басни Крылова – это не поучение, не мораль, не наставление. Басни Крылова – это трезвое признание самому себе, что человек как таковой (и ты вместе со всеми) вовсе не так хорош, что недостатки человечества с веками не исчезают, что человечество вообще не изменяется и что поэтому «золотой век» не позади и не впереди нас. А.А. Бестужев в статье «Взгляд на старую и новую словесность в России» (1823) писал: «В каждом его стихе виден русский здравый ум. Он похож природою описаний на Лафонтена, но имеет свой особый характер: его каждая басня – сатира, тем сильнейшая, что она коротка и рассказана с видом простодушия»¹⁷. Все верно, но к этой формуле необходимо добавить, что это сатира не на «них», не на прошлое, не на «верхи», а на нас самих. Не надо показывать пальцем на другого и успокаиваться в собственном отличии от других; надо видеть в этом другом себя. Скептик Крылов был прямым предшественником скептика М.Е. Салтыкова.

Среди писателей своего времени, на фоне литераторов конца XVIII – начала XIX века фигура Крылова, который застыл на своем диване под опасно висящей картиною, и проч, и проч.¹⁸, выделяется очень резко. Но выделяется она не только и не столько этой своей позою – у каждого писателя крыловского времени была своя поза, и каждый сознательно внедрял ее в литературные и бытовые тексты. Фигура Крылова выделяется мудростью, которую мы будем понимать как противоположность философичности. Не каждый человек, который профессионально изучает и преподаёт философию, наделен мудростью. И не каждый умудренный жизненным опытом человек может и хочет называться философом.

Крылов, наверное, не хотел. И в его поздних произведениях (а это всё басни) он, разумеется, не упоминает ни Вольтера, ни Г.Б. де Мабли, ни современных ему русских мыслителей. И поэтому у нас до сих пор нет работ об отношении Крылова к ним¹⁹, мудрец Крылов стоит как бы вне философских систем своего времени. Между тем свое отношение к философским системам у него было. И коротко сформулировать это отношение можно так: для него характерны скепсис по поводу любой философской системы как таковой и убеждение в слабости ее перед лицом здравого смысла.

Сейчас мы скажем только об отношении Крылова к идеям Ж.-Ж. Руссо. В сочинениях Крылова имя французского писателя мы находим несколько раз.

В сатирической повести «Ночи» Крылов описывает «обольщающую красавицу» и говорит:

«Не подумай, однако ж, любезный читатель, что госпожа эта скудна разумом. Если бы и случилось кому покрасть ее прелести, то осталось у ней еще одно очарование, против которого никакое нынешнего света сердце не устоит, красноречие – вот ее сильнейшее оружие; она превосходит им сочинителя *Новой Элоизы*. Письма ее к любовникам очень убедительны, хотя, правда, все они на один образец, ибо начинаются так: “Объявителю сего платит Государственный заемный банк и проч.” Воскресни, Руссо, подобно Магометову отцу, на один только час и увидь свою победительницу, а если ты столь отважен, что вздумаешь спорить с нею в преимуществе красноречия, то выставим на одну доску письма твоей Элоизы и моей, и я ручаюсь, что последние станут торжествовать и что за них ухватятся все, не выключая академиков и самого тебя»²⁰.

---

¹⁷ Бестужев-Марлинский А.А. Сочинения: В 2 т. М.: Художественная литература, 1981. Т. 2. С. 383–384.

¹⁸ См.: Гордин А.М., Гордин М.А. Крылов реальность и легенда // И.А. Крылов в воспоминаниях современников. С. 23–27.

¹⁹ Ю.М. Лотман не упоминает Крылова в исследовании «Руссо и русская культура XVIII – начала XIX века» (Лотман Ю.М. Избранные статьи: В 3 т. Таллин: Александрия, 1992. Т. 2).

²⁰ Крылов И.А. Полное собрание сочинений. Т. I: Проза. М.: Государственное издательство художественной литературы,

Далее в той же повести передан разговор слуги Ивана и его Барина. Когда Иван слишком «разумничался» перед своим господином, Барин намекает ему на наказание, и Иван говорит: «А, а, понимаю: вы говорите про палки... и признаюсь, что убедительнее Руссо доказываете мне вредность наук...»²¹

Оба эти высказывания свидетельствуют о том, что Крылов был хорошо знаком с основными сочинениями Руссо и, во всяком случае, весьма высоко оценивал достоинства Руссо-писателя. Однако, судя уже по ироническому высказыванию Ивана, который уподобил палку своего господина трактату Руссо «О влиянии наук на нравы», – философское учение Руссо Крылов принять не мог и не хотел.

Русская культура конца XVIII – начала XIX в. глубоко усвоила учение Руссо о двух идеалах человеческой жизни, которое он изложил в «Рассуждении о происхождении и основаниях неравенства между людьми» (1754):

«...дикарь и человек цивилизованный настолько отличаются друг от друга по душевному складу и склонностям, что высшее счастье одного повергло бы другого в отчаяние. Первый жаждет лишь покоя и свободы, он хочет лишь жить и оставаться праздным, и даже спокойствие духа стойка не сравнится с его глубоким безразличием ко всему остальному. Напротив, гражданин, всегда деятельный, работающий в поте лица, беспрестанно терзает самого себя, стремясь найти занятия, еще более многотрудные; он работает до самой смерти; он даже идет на смерть, чтобы иметь возможность жить, он отказывается от жизни, чтобы обрести бессмертие. <...> Какое зрелище представили бы для караибов тягостные и вызывающие зависть труды какого-нибудь европейского министра! Какую мучительную смерть не предпочел бы этот беспечный дикарь ужасам подобной жизни, которые часто даже не скрашивает отрадное сознание того, что правильно поступаешь! Но, чтобы он увидел, какова цель стольких страданий, нужно, чтобы слова *могущество* и *репутация* приобрели смысл в его уме; нужно, чтобы он понял, что существуют люди, которые придают значение тому, как на них смотрит остальной мир, которые считают себя счастливыми и довольными самими собой скорее потому, что так полагают другие, чем потому, что они сами так считают. Такова и в самом деле действительная причина всех этих различий: дикарь живет в себе самом, а человек, привыкший к жизни в обществе, всегда – вне самого себя; он может жить только во мнении других, и, так сказать, из одного только их мнения он получает ощущение собственного своего существования»²².

В русской художественной культуре это противопоставление двух идеалов оформилось в устойчивой оппозиции вольности и покоя, с одной стороны, и счастья – с другой, причем за «вольностью и покоем» закрепилось значение не только жизни природной, внегражданской, вне-общественной, но и жизни народной, а за «счастьем» – значение жизни социальной, культурной, активно гражданской и общественной²³. Первому идеалу соответствовали в литературе образы, которые М.М. Бахтин назвал образами циклического хронотопа, то есть жизни на одном месте, ибо, только находясь на одном месте, можно со всей полнотой осознать смену времен года и суток – те природные циклы, которые, будучи применены к человеку, создавали метафорические образы утра жизни, вянущей младости, печального заката наших дней и проч.²⁴ Суждение Руссо о том, что человек цивилизованный «может жить только во мнении других, и, так сказать, из одного только их мнения он получает ощущение собственного своего существования», оказывается исключительно близко основным положениям антропологии Бахтина: «Я прячется в другого и других, хочет быть только другим для других, войти до конца

1945. С. 284–285.

²¹ Там же. С. 299.

²² Руссо Ж.-Ж. Трактаты. М.: Наука, 1969. С. 96–97.

²³ Подробнее об этом см.: Строганов М.В. Человек в художественном мире Пушкина. Тверь: Тверской гос. ун-т, 1990. С. 72–83.

²⁴ Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. С. 205.

в мир других как другой, сбросить с себя бремя единственного в мире Я (Я-для-себя)»²⁵. Этому идеалу гражданской жизни в борьбе за «счастье» соответствовали образы линейного хронотопа, которые отмечали, как правило, индивидуальность, своеобразие поисков того или иного человека. Для изображения этого линейного хронотопа использовались обычно те же образы, но со знаком «минус»: увядание на утре дней, любовные страсти в старости и т. п. Но для изображения этих идеалов жизни могли использоваться и пространственные образы: сидение на одном месте и дорога; «стоячая» вода (озеро, море) и текучая вода (река)²⁶.

Еще в добасенный период Крылов неоднократно писал о том, в чем он видит идеал жизни человека, хотя и не называл при этом имени Руссо. Так, в оде «Блаженство» (1793–1795?) он горько сетовал:

Везде природы совершенство
Луч осветил всходяща дня,
Всё чувствует свое блаженство,
Всё веселится вокруг меня,
Всё видит счастье под ногами,
Не гонится за ним морями:
Никто от счастья не далек.
Один лишь только человек,
Гордясь свободой без свободы,
Блаженства ищет вне природы. <.. >

Ему покой и радость чужды:
Рожден желаньями кипеть.
Его отрада – множить нужды,
Его мученье – их терпеть.
Средь брани ищет он покою;
Среди покоя – алчет бою²⁷;
В неволе – враг земных богов;
На воле – ищет злых оков;
Он в будущем лишь счастье видит
И в настоящем ненавидит²⁸.

Здесь, а также в оде «Уединение», в «Отъезде из деревни» (оба – 1793–1795?) деревня, которая близка природной жизни, описывается как «недра спокойствия и свободы», а город – как «мрачный гроб природы».

Вот, казалось бы, законченный руссоист. Но дело в том, что в эти же годы Крылов пишет еще и другие стихотворения с совершенно иным отношением к проблематике Руссо. Это «Письмо о пользе желаний» и «Послание о пользе страстей» (оба – 1794–1795?). Здесь тоже нет имени Руссо; напротив того, здесь прямо упоминаются Соломон и Зенон. Но спорит Крылов все-таки именно с Руссо:

---

²⁵ Бахтин М.М. Литературно-критические статьи. М.: Художественная литература, 1986. С. 524. Не развертывая этого сюжета, укажу лишь, что эти антропологические идеи Руссо уже обсуждались: *Леви-Строс К.* Руссо – отец антропологии // *Курьер ЮНЕСКО.* 1963. Март. С. 10–15.

²⁶ Об усвоении этой образности в русской литературе XVIII – начала XIX в. см.: *Строганов М.В.* Человек в художественном мире Пушкина. С. 21–71; *Строганов М.В.* Русская литература первой трети XIX века. Тверь: Тверской гос. ун-т, 1993.

²⁷ Парафразом этих двух стихов выглядит «Парус» М.Ю. Лермонтова. Однако на самом деле это стихотворение тоже восходит к философской конструкции Руссо.

²⁸ *Крылов И.А.* Полное собрание сочинений. Т. III. С. 293, 295.

Не тот счастлив, кто счастьем обладает;
Счастлив лишь тот, кто счастья ожидает.
<... ..>
Прочь, школами прославленный покой,
Природы враг и смерти брат родной...
<... ..>
А я, друзья, скажу короче вам:
Желать и ждать – вот счастье человека²⁹.

Не покой и вольность, которые прославлял Руссо, а «счастье в борьбе» – вот идеал Крылова в этом стихотворении. В другом стихотворении Крылов пишет:

Чтоб заключить в коротких мне словах,
Вот что, мой друг, скажу я о страстях:
Они ведут: науки к совершенству,
Глупца ко злу, философа к блаженству.
Хорош сей мир, хорош; но без страстей
Он кораблю б был равен без снастей³⁰.

Здесь вольтерьянец Крылов спорит с трактатом Руссо о влиянии наук на развитие общества. И если Руссо видел в науках пагубу для общественной жизни, то Крылов утверждает благостность их влияния³¹.

Некоторые русские писатели (особенно сентименталисты) пытались творчески усвоить новые явления, которые открыл Руссо. Однако они толковали *вольность и покой* пока еще достаточно поверхностно, и Н.М. Карамзин и И.И. Дмитриев видели в них атрибуты жизни без любовных переживаний и брачных уз. Значит, и тут обходилось без проблем: нет женщины – нет проблем. Карамзин в «Послании к женщинам» (1795) писал:

О вы, которых мне любезна благосклонность
Любезнее всего! которым с юных лет
Я в жертву приносил, чего дороже нет:
Спокойствие и вольность...³²

А Дмитриев в «Мадригале девице...» кокетливо замечал:

Я вольность не всегда блаженством почитаю:
Скажи: *ты сердцу мил!* – свободу и покой
Тотчас на цепи променяю³³.

Крылов же уже в 1790-е годы дает два прямо противоположных толкования проблематики Руссо. В баснях Крылова мы видим ту же картину.

---

²⁹ Там же. С. 305.

³⁰ Там же. С. 310.

³¹ О полемике Крылова с этим трактатом Руссо в басне «Водолазы» и «Похвальной речи в память моему дедушке» (1792) см.: Степанов Н.Л. Крылов – баснописец // И.А. Крылов: Исследования и материалы. М.: АН СССР, 1947. С. 74. Но позднее Н.Л. Степанов не возвращался к этому вопросу (Степанов Н.Л. Басни Крылова. М.: Художественная литература, 1969).

³² Карамзин Н.М. Полное собрание стихотворений. Л.: Советский писатель, 1966. С. 169.

³³ Дмитриев И.И. Полное собрание стихотворений. Л.: Советский писатель, 1967. С. 331.

Сюжет басни «Два Голубя» взят из Ж. Лафонтена (до Крылова этот сюжет разрабатывали в России А.П. Сумароков, Н.П. Дмитриев, Д.И. Хвостов). Но практически одновременно с Крыловым этот же сюжет, хотя и без аллегорической формы, осваивают В.А. Жуковский в «Теоне и Эсхине» и К.Н. Батюшков в «Странствователе и домоседе». И все три автора подчеркивают преимущество домоседства, потому что оно обеспечивает постижение подлинных ценностей жизни, в то время как странничество отдаляет человека от них.

Если же человек сознательно нарушает природный цикл, то это оборачивается для него гибелью. Об этом идет речь в басне «Дерево»: деревце, стремясь скорее вырасти, просит человека вырубить вокруг него высокие деревья. Когда человек сделал это, деревце, лишившись естественной защиты, погибло. Здесь, казалось бы, верные подтверждения тому, что Крылов является последователем Руссо: он за этические ценности природной, «дикой» жизни, против жизни «цивилизованной», социальной.

Но дело в том, что рядом с басней «Дерево» в третьей книге басен Крылова находится басня «Старик и Трое Молодых» (также написана на сюжет Лафонтена). Здесь Трое Молодых людей смеются, что старик сажает дерево, ведь он не сможет насладиться его тенью и плодами. Старик отвечает, что дни человека сочтены не людьми, и оказывается прав: все Трое Молодых вскоре умерли. Получается, что Трое Молодых, которые утверждали циклический хронотоп как норму жизни, ошибались. Но неправомочность человека судить о длительности нашей жизни – это церковно-христианское воззрение. С точки же зрения Руссо, Трое Молодых – носители истины.

Крылов дает, таким образом, два прямо противоположных ответа на вопрос о преимуществах и недостатках циклического времени. В басне «Старик и Трое Молодых» он опровергает его, а в басне «Дерево» его утверждает. Эту внутреннюю полемику можно было бы объяснить эволюцией Крылова: басня «Старик и Трое Молодых» написана в 1805 году, а «Два Голубя» и «Дерево» соответственно – в 1808 и 1814 годах. Однако Крылов вряд ли стал бы помещать противоречащие друг другу басни рядом.

К тому же в том же 1814 году рядом с проруссоистской басней «Дерево» Крылов пишет басню совершенно противоположной ориентации. В басне «Пруд и Река» (1814) Пруд, олицетворяющий собой ценности циклического хронотопа – вольность и «покой», спорит с Рекой, носительницей ценностей линейного хронотопа: «труд» и борьба за счастье: «И пользу приношу, и в честь вхожу и в славу». Спор выигрывает Река, линейный хронотоп: Река и поныне катит свои волны, отягощенные грузом, а Пруд зацвел и заглох. Напрашивается живая аналогия: Обломов и Штольц³⁴.

Эти внутренние противоречия можно объяснить только одним: с точки зрения Крылова, ни одна философская система как таковая не верна и не справедлива, ни одна философская система не исчерпывает всего многообразия жизни. Каждый раз, прикладывая ту или иную философскую модель к реальной жизни, мы вынуждены давать новый ответ. Готовых решений нет, и то, что было хорошо и верно вчера, сегодня стало уже неверным.

Это позиция мудреца-баснописца, а не философа. Философ строго последовательно выводил из посылки следствие и строит логическую систему доказательств и аргументов. Мудрец-баснописец рассказывает конкретную историю, связанную с целым рядом обуславливающих ее причин. И к каждой истории он прикладывает свой, особый вывод. То, что могло казаться противоречием в лирике, в басенном творчестве снимается логикой жанра. Мудрец потому и мудрец, что он не подлаживается к теории, а умеет каждый раз мудро решить, казалось бы, один и тот же, но одновременно и иной (в силу конкретных обстоятельств) вопрос.

Подобная «противоречивость» особенно наглядно проявляется при решении социальных вопросов. Вот самый простой и естественный из них: социальное равенство – это благо

³⁴ Об этой аналогии см.: Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. М.: Художественная литература, 1975. С. 383.

или зло? Кажется, может быть только один ответ: благо. Отсутствие же социального равенства приводит к насилию слабого над сильным («Волк и Ягненок»), к непризнанию верхами прав низов («Листы и Корни», «Мор зверей»), при этом сильные надменны по отношению к слабым, хотя те больше трудятся на общую пользу («Орел и Пчела», «Водопад и Ручей», «Пожар и Алмаз»). Перед природою все равны («Василек»), но люди часто не только нарушают природное равенство, но и установленное ими самими («Совет Мышей»). Значит, Крылов отстаивал социальную справедливость и равенство всех людей.

Но этот естественный, казалось бы, вывод имеет и альтернативу. При наличии общих социальных условий не каждый умеет правильно воспользоваться ими («Фортуна в гостях»), и если дать людям социальное равенство – они полезут туда, где не имеют никаких оснований находиться. Лягушки утверждают «мы пахали» («Лягушка и Вол»), Скворцы поют по-соловьиному, не имея соответствующего дара («Скворец»), Колосья претендуют на особое внимание, хотя сеятель сам знает, чего они достойны («Колос»). Поэтому в басне «Ворона» Крылов призывает:

Когда не хочешь быть смешон,
Держися звания, в котором ты рожден.
Простолюдин со знатью не родися;
И если карлой сотворен,
То в великаны не тянися,
А помни свой ты чаще рост.

Наличие социального равенства – такое же зло, как и отсутствие его. Люди не умеют пользоваться равенством и злоупотребляют им; но одновременно и попирают равенство, ущемляя права слабых и бедных. Н.И. Гнедич писал, имея в виду Крылова:

«Есть люди (и таков мой почтенный сосед), которые, не имея понятия об лучшем состоянии общества или правительства, с гордостью утверждают, что иначе и быть не может. Они согласны в том, убеждались очевидностями, что существующий порядок соединен с большим злом; но утешают себя мыслию, что другой порядок невозможен. – Соседу моему вспоминал я того императора японского, который едва не умер со смеху, когда ему рассказывали об образе правления в Голландии. Но сосед остался непоколебим как ирокезец, который понять не может, что можно было побеждать врагов, не жаря пленных»³⁵.

Так же внешне противоречиво, а внутренне очень стройно решал Крылов и вопрос об отношении власти и подданных. Диктатура лучше демократии – такой вывод следует из сюжета басни «Конь и Всадник»:

Как ни приманчива свобода,
Но для народа
Не меньше гибельна она,
Когда разумная ей мера не дана.

Так же точно решается вопрос и в баснях «Собака», «Кот и Повар».

Но в басне «Лев на ловле» власть претендует на кусок, который по праву принадлежит слабому, и перестает быть справедливой.

---

³⁵ Николай Иванович Гнедич (1784–1884). Несколько данных для его биографии по неизданным источникам. <К столетней годовщине дня его рождения> /Сообщил П. Тиханов, чл. – кор. Общества любителей древней письменности; [Предисловие Я. Грота]. СПб.: 2-е отд-ние Акад. наук, 1884. С. 56.

Нельзя однозначно, раз и навсегда сказать, что одно хорошо, а другое заведомо плохо. Каждый раз приходится решать заново: что плохо, а что хорошо. В этом умении решать и заключается мудрость человека, который, не строя теорий, отдал предпочтение самой жизни. Так Крылов рассчитался со «столеьем безумным и мудрым»...

3

Однако скептик Крылов был не нужен и даже опасен для верховной власти. Он не боролся против нее, но, подвергая все сомнению, пробле-матизировал и ее собственное существование. Власть решила вопрос легко и просто – перевела Крылова в разряд детских писателей и лишила его басни взрослого смысла. Мораль и нравоучение, которые вдалбливают в детские головы и которые отвращают потом на всю жизнь от этих басен, – вот все, что осталось от Крылова в учебниках по литературе: «Несравненный наш баснописец И.А. Крылов не перестает давать нам мудрые уроки...»³⁶ Примечательно, что одну из главных ролей сыграл в этом процессе П.А. Вяземский, который в год 50-летнего писательского юбилея Крылова (1838) назвал самого Крылова дедушкой, Музу – его женой, а басни – детками:

Мудрец игривый и глубокий,
Простосердечное дитя,
И дочкам он давал уроки,
И батюшек учил шутя.
Искусством ловкого обмана
Где и кольнет из-под пера:
*Так Петр кивает на Ивана,
Иван кивает на Петра.*

Длись счастливою судьбою,
Нить любезных нам годов!
Здравствуй с милою женою,
Здравствуй, дедушка Крылов!

Вяземский как не понимал Крылова и ругал его за русский дух, так и теперь не понимает и упрощает его. Но именно это упрощение и пришлось по душе и по уму властям и широким массам. Добродушный «дедушка Крылов», как и положено любому дедушке, ворчит и нравоучает... А воз и ныне там. Сам Крылов отнесся бы к этому с иронией и скепсисом.

Басни Крылова очень рано стали издавать с иллюстрациями. А когда они закрепились в детском обиходе, картинки стали обязательными. Среди иллюстраторов Крылова были очень яркие и интересные художники. Но мы решили в данном издании представить читателю гравированные рисунки военного инженера Андрея Петровича Сапожникова (1795–1855)³⁷. Его иллюстрации признаны одними из лучших, но о нем самом мы знаем мало, а понимаем его неверно. Поэтому скажем несколько слов и о нем.

---

³⁶ Руководство к изучению русской словесности, содержащее общие понятия об изящных искусствах, теорию красноречия, пиитику и краткую историю литературы, составленное профессором Императорского Царскосельского лицея и Императорского Училища правоведения Петром Георгиевским: В 4 ч. СПб.: Тип. И. Глазунова, А. Смирдина и Ком., 1836. Ч. IV: История литературы. С. 294. О месте басен Крылова в системе воспитания и обучения в России 1830–1840-х годов. см.: *Строганова Е.Н.* Роман М.Е. Салтыкова-Щедрина «Современная идиллия»: Диалог с современниками и предшественниками: Монография. М.: Флинта; Наука, 2017. С. 154–164.

³⁷ Наиболее обстоятельную справку о нем см.: Почетные вольные общники Императорской Академии художеств: Краткий биографический справочник / авт. – сост. Н.С. Беляев. СПб.: БАН, 2018. С. 232–237. Мы приводим те описания книг, которые либо не учтены в этом издании, либо даны излишне кратко, что затрудняет их поиск.

С 1807 году Сапожников учился в Инженерном корпусе, которое окончил с чином прапорщика, затем подпоручика (1811), служил в лейб-гвардии Саперном батальоне: поручик (1813), батальонный казначей (1816), капитан и командир Кондукторской роты Главного Инженерного училища (1819), полковник (1822); орден Св. Владимира IV степени (1826). Длительное время посещал рисовальные классы Императорской академии художеств, а в свободное от службы время писал исторические картины и портреты. В 1827 году Сапожников назначен управляющим собственной Чертежной великого князя Михаила Павловича и руководил ее художественными изданиями, но продолжал занятия изобразительными искусствами. В 1830 году, имея звание инженера-полковника, избран «почетным вольным общником» Академии художеств. В 1832 году Сапожников получил чин действительного статского советника, а в 1834 году составил первый русский учебник по рисованию³⁸ и подарил это издание Академии вместе с образцами (моделями и гипсами) для раздачи ученикам на экзаменах. Это был первый учебник для общеобразовательных учебных заведений, который составил русский художник. Вскоре этот учебник был переиздан в серии учебных пособий для военно-учебных заведений³⁹, а Сапожников в 1844 году был назначен «главным наставником-наблюдателем черчения и рисования» в военно-учебных заведениях, с чем связано появление еще одной его работы⁴⁰. Когда было основано Общество поощрения художников, Сапожников стал его казначеем и ему был поручен надзор над пенсионерами этого учреждения. Создал Сапожников и ряд других практических руководств, которые имели долгое время заслуженный успех⁴¹.

Сапожникова обычно называют непрофессиональным художником, что и неверно, поскольку он учился в Академии художеств и других обучал изобразительным техникам, и несправедливо, поскольку многие другие, которые окончили Академию художеств с разными званиями, не сделали и половины того, что сделал он. Сапожников же был, конечно, не столько оригинальный художник, сколько грамотный и вполне успешный педагог (и, как педагог, он интересен еще и тем, что сам сочинял сказки для детей⁴²). Во многом по своей должности Сапожников создал серии иллюстраций не только к своим учебным курсам, но к истории Кавалергардского полка⁴³, к учебнику по зоологии⁴⁴ и к историческому труду А.Н. Оленина

³⁸ Курс рисования, в котором изложен способ правильно изображать по глазомеру видимые предметы, с практическим изъяснением законов перспективы и освещения, для общественного и домашнего образования юношества, составленный А. Сапожниковым. СПб.: Тип. Штаба Отд. корпуса внутренней стражи, 1834.

³⁹ Учебные руководства для военно-учебных заведений. Курс рисования / Составил А. Сапожников. СПб.: Тип. И. Воробьева, 1838; 2-е изд. тип. Э. Праца, 1849. Переиздания: Курс рисования, составленный А. Сапожниковым. Тетр. 1–2. 3-е изд., под ред. [и с предисл.] Павла Маркова... СПб.: Я.А. Исаков, 1878 (обл. 1879). 2 т. См. современные переиздания этой книги и перевод ее на сербский язык: *Сапожников А.П.* Полный курс рисования / Под редакцией главного редактора журнала «Художественный совет» В.Н. Ларионова. М.: Изд-во «АЛЕВ», 1997; 2-е изд. 1997; 3-е изд. 1998; 4-е изд. М.: Изд-во «АЛЕВ-В»; Творческая школа «Мастер-класс», 2003; *Сапожников А.П.* Полный курс рисования: пособие для начинающих. М.: Эксмо, 2013; *Чертать человеке фигуре и ствараше слике: Сто тридесет и три цртежа у тексту / Прев. са рус. Лэил>ана Глумац. Београд, 1999.*

⁴⁰ Правила для черчения, тушевания и раскрашивания чертежей фортификационных и артиллерийских, составленные А. Сапожниковым. СПб.: Тип. военно-учебных заведений, 1847. Сапожниковым. СПб.: Тип. военно-учебных заведений, 1847.

⁴¹ Краткое практическое наставление для постройки сельских жилых зданий, каменных и деревянных, составленное А. Сапожниковым и П. Таманским. СПб.: А. Иванов, 1845; *Сапожников А.П., Таманский П.И.* Как самому строить небольшие дома и сельскохозяйственные каменные и деревянные постройки: Строитель-практик: Общедоступное руководство к постройке зданий без помощи архитектора: Для помещиков, подрядчиков, сельских хозяев... вновь ред. и доп. руководство А. Сапожникова и П. Таманского / Ред. А. Лейланд, инженер. М.: Мастер, 1906–1907; 2-е изд. М.: Т-во И. Д. Сытина, 1907.

⁴² *Б. п.* Четыре сказки моей Надиньке. СПб.: Тип. Х. Гинце, 1833. Содержание: Очарованная гора; Певчая кукла; Желтый мальчик; Хромоногая крыса; Первая сказка моим внукам / [Соч.] А. Са...ва. СПб.: Изд. худож. А. Козлова, 1852; Иванушка: Первая сказка моим внукам / Соч. А.П. Сапожникова. 2-е изд. СПб.: Изд. худож. А. Козлова, 1862.

⁴³ Рисунки к Краткой истории Кавалергардского ее императорского величества полка с 1724 по 1832 год, составленные четвертого класса Сапожниковым. <СПб., 1832>.

⁴⁴ Зоология с атласом из 52 листов, составленная А. Постельсом, В. Далем и А. Сапожниковым. СПб.: Тип. Э. Праца, 1847; Атлас... состоящий из 52 листов, и распределение животных с названиями их на четырех языках Учебные руководства для военно-учебных заведений. Естественная история; 2-е изд. СПб.: Тип. Штаба военно-учебных заведений, 1852.

«об одежде, оружии, нравах, обычаях и степени просвещения» древних славян⁴⁵. Некоторые справочники называют и другие работы Сапожникова, но не дают точные описания изданий, почему их невозможно идентифицировать.

Однако гораздо интереснее те работы его, которые выходили за рамки служебных обязанностей. Это – иллюстрации к басням Крылова⁴⁶ и Ветхому Завету⁴⁷, а также к повести В.И. Даля «Похождения Христиана Христиановича Виольдамура и его Аршета» – фактически первый русский комикс⁴⁸. Никто не понуждал Сапожникова делать эти работы, и потому они особенно интересны. Иллюстрации к басням были первым трудом Сапожникова в этом роде. Он вырос на баснях Крылова и рос – вместе с ними.

Мы не стали указывать, какие басни переводные, какие написаны по конкретным общественно-политическим поводам. Как мы уже сказали, не надо думать, что это басни о конкретном событии и о конкретном народе. У Крылова – это басни о нас, современных людях. Так их и надо читать.

М. Строганов

---

⁴⁵ Опыт об одежде, оружии, нравах, обычаях и степени просвещения славян от времен Траяна и русских до нашествия татар: период первый: письма к г. академику в должности проф. Басину, или Опыт к составлению полного курса истории, археологии и этнографии для питомцев Санкт-Петербургской императорской академии художеств / [А. Оленин]. СПб.: Тип. И. Глазунова, 1832.

⁴⁶ Басни Ивана Крылова / [с иллюстрациями А.П. Сапожникова]. СПб.: Тип. Александра Смирдина, 1834. 2 т.: ил. на отд. листах. Переиздания в XX в.: Крылов И.А. Басни / [Предисловие Н. Тихонова; Иллюстрации А. Сапожникова]. Л.: Детская литература, 1966; Крылов И.А. Басни / [Вступительная статья И.В. Ильинского; Гравюры А.П. Сапожникова]. М.: Правда, 1978; Крылов И.А. Басни / Иллюстрации А. Сапожникова. Л.: Художественная литература, 1983.

⁴⁷ 54 картины из Священной истории Ветхого Завета, составленные в 4-ю долю листа бывшим профессором Императорской Академии художеств Сапожниковым. Пояснения к картинам, имеющие полную историческую связь, написаны В. Золотовым. СПб.: Изд., т-ва «Общественная польза», 1861. Репринтные издания: 54 картины из Священной истории Ветхого Завета / Сост. А. В. Сапожников. СПб.: Тов-во «Общественная польза», 1861. М.: СП «Контакт», 1990; Сапожников А.П. 54 картины из Священной истории Ветхого Завета, составленные профессором Императорской Академии художеств Сапожниковым / пояснения к картинам, имеющие полную историческую связь, написаны В. Золотовым. М.: Внешсигма, 1993. Изданию 1861 года (вышло после смерти Сапожникова) предшествовал издательский опыт Сапожникова на данную тему: Ветхий Завет в картинах / [художник А.А. Агин; гравёр К.Я. Афанасьев]. СПб.: Изд. Ф. Прянишникова и А. Сапожникова; [в тип. Э. Праца], 1846.

⁴⁸ Похождения Христиана Христиановича Виольдамура и его Аршета, сочинение В. Луганского с альбомом картин на пятидесяти одном листе, рисованных известным русским художником [А.П. Сапожниковым]. Ч. 1–2. СПб.: Изд. М.Д. Ольхина, 1844.

Басни

Книга Первая

I. Ворона и Лисица

Уж сколько раз твердили миру,
Что лесть гнусна, вредна; но только всё не впрок,
И в сердце льстец всегда отыщет уголок.

—

Вороне где-то бог послал кусочек сыру;
На ель Ворона взгромоздясь,
Позавтракать было совсем уж собралась,
Да позадумалась, а сыр во рту держала.
На ту беду Лиса близехонько бежала;
Вдруг сырный дух Лису остановил:
Лисица видит сыр – Лисицу сыр пленил.
Плутовка к дереву на цыпочках подходит;
Вертит хвостом, с Вороны глаз не сводит
И говорит так сладко, чуть дыша:
«Голубушка, как хороша!
Ну что за шейка, что за глазки!
Рассказывать – так, право, сказки!
Какие перушки! какой носок!
И, верно, ангельский быть должен голосок!
Спой, светик, не стыдись! Что, ежели, сестрица,
При красоте такой и петь ты мастерица, —
Ведь ты б у нас была царь-птица!»
Вещунья с похвал вскружилась голова,
От радости в зобу дыханье сперло, —
И на приветливы Лисицыны слова
Ворона каркнула во все воронье горло:
Сыр выпал – с ним была плутовка такова.

II. Дуб и Трость

С Тростинкой Дуб однажды в речь вошел.
«Поистине, роптать ты вправе на природу, —

Сказал он, – воробей, и тот тебе тяжел.
Чуть легкий ветерок подернет рябью воду,
Ты зашатаешься, начнешь слабеть
И так нагнешься сиротливо,
Что жалко на тебя смотреть.
Меж тем как, наравне с Кавказом, горделиво,
Не только солнца я препятствую лучам,
Но, посмеваясь и вихрям и грозам,
Стою и тверд и прям,
Как будто б огражден ненарушимым миром:
Тебе всё бурей – мне всё кажется Зефиром.
Хотя б уж ты в окружности росла,
Густою тению ветвей моих покрытой,
От непогод бы я быть мог тебе защитой;
Но вам в удел природа отвела
Брега бурливого Эолова владенья:
Конечно, нет совсем у ней о вас раденья». —
«Ты очень жалостлив, – сказала Трость в ответ, —
Однако не крушись: мне столько худа нет.
Не за себя я вихрей опасаясь;
Хоть я и гнусь, но не ломаюсь:
Так бури мало мне вредят;
Едва ль не более тебе они грозят!
То правда, что еще доселе их свирепость
Твою не одолела крепость
И от ударов их ты не склонял лица;
Но – подождем конца!»
Едва лишь это Трость сказала,
Вдруг мчится с северных сторон
И с градом и с дождем шумящий аквилон.
Дуб держится, – к земле Тростиночка припала.
Бушует ветер, удвоил силы он,
Взревел – и вырвал с корнем вон
Того, кто небесам главой своей касался
И в области теней пятою упирался.

III. Музыканты

Сосед соседа звал откушать;
Но умысел другой тут был:
Хозяин музыку любил
И заманил к себе соседа певчих слушать.
Запели молодцы: кто в лес, кто по дрова,
И у кого что силы стало.
В ушах у гостя затрещало
И закружилась голова.
«Помилуй ты меня, – сказал он с удивленьем, —

Чем любоваться тут? Твой хор
Горланит вздор!» —
«То правда, — отвечал хозяин с умилением, —
Они немножечко дерут;
Зато уж в рот хмельного не берут.
И все с прекрасным поведением».

—

А я скажу: по мне уж лучше пей,
Да дело разумей.

IV. Ворона и Курица

Когда Смоленский князь,
Противу дерзости искусством вооружась,
Вандалам новым сеть поставил
И на погибель им Москву оставил,

Тогда все жители, и малый и большой,
Часа не тратя, собралися
И вон из стен московских поднялися,
Как из улья пчелиный рой.
Ворона с кровли тут на эту всю тревогу
Спокойно, чистя нос, глядит.
«А ты что ж, кумушка, в дорогу? —
Ей с возу Курица кричит. —
Ведь говорят, что у порогу
Наш супостат». —
«Мне что до этого за дело? —
Вещунья ей в ответ. — Я здесь останусь смело.
Вот ваши сестры – как хотят;
А ведь Ворон ни жарят, ни варят:
Так мне с гостями не мудрено ужиться,
А, может быть, еще удастся поживиться
Сырком, иль косточкой, иль чем-нибудь.
Прощай, хохлаточка, счастливый путь!»
Ворона подлинно осталась;
Но, вместо всех поживок ей,
Как голодом морить Смоленский стал гостей —
Она сама к ним в суп попалась.

—

Так часто человек в расчетах слеп и глуп.
За счастьем, кажется, ты по пятам несешься:
А как на деле с ним сочтешься —
Попался, как ворона в суп!

V. Ларчик

Случается нередко нам
И труд и мудрость видеть там,

Где стоит только догадаться,
За дело просто взяться.

—

К кому-то принесли от мастера ларец.
Отделкой, чистотой ларец в глаза кидался;
Ну, всякий ларчиком прекрасным любовался.
Вот входит в комнату механики мудрец.
Взглянув на ларчик, он сказал: «Ларец с секретом,
Так; он и без замка;
А я берусь открыть; да, да, уверен в этом;
Не смейтесь так исподтишка!
Я отыщу секрет и ларчик вам открою:
В механике и я чего-нибудь да стою».
Вот за ларец принялся он:
Вертит его со всех сторон
И голову свою ломает;
То гвоздик, то другой, то скобку пожимает.
Тут, глядя на него, иной
Качает головой;
Те шепчутся, а те смеются меж собой.
В ушах лишь только отдается:
«Не тут, не так, не там!» Механик пуще рвется.
Потел, потел; но, наконец, устал,
От ларчика отстал
И, как открыть его, никак не догадался:
А ларчик просто открывался.

VI. Лягушка и Вол

Лягушка, на лугу увидевши Вола,
Затеяла сама в дородстве с ним сравняться:
Она завистлива была.

И ну топорщиться, пыхтеть и надуваться.
«Смотри-ка, квакушка, что, буду ль я с него?» —
Подруге говорит. «Нет, кумушка, далеко!» —
«Гляди же, как теперь раздуюсь я широко.
Ну, каково?
Пополнилась ли я?» — «Почти что ничего». —
«Ну, как теперь?» — «Все то ж». Пыхтела да пыхтела
И кончила моя затейница на том,
Что, не сравнившись с Волом,
С натуги лопнула и — околела.

Пример такой на свете не один:
И диво ли, когда жить хочет мещанин
Как именитый гражданин,
А сошка мелкая, как знатный дворянин.

VII. Разборчивая Невеста

Невеста-девушка смышляла жениха;
Тут нет еще греха,
Да вот что грех: она была спесива.
Сыщи ей жениха, чтоб был хорош, умен,
И в лентах, и в чести, и молод был бы он
(Красавица была немножко прихотлива):
Ну, чтобы все имел — кто ж может все иметь?
Еще и то заметь,
Чтобы любить ее, а ревновать не сметь.
Хоть чудно, только так была она счастлива,
Что женихи, как на отбор,
Презнатные катили к ней на двор.
Но в выборе ее и вкус и мысли тонки:
Такие женихи другим невестам клад,
А ей они на взгляд
Не женихи, а женишонки!
Ну, как ей выбирать из этих женихов?
Тот не в чинах, другой без орденов;
А тот бы и в чинах, да жаль, карманы пусты;
То нос широк, то брови густы;
Тут этак, там не так;
Ну, не придет никто по мысли ей никак.

Посмолкли женихи, годка два перепали;
Другие новых свах заслали:
Да только женихи средней уж руки.
«Какие простаки! —
Твердит красавица, — по них ли я невеста?
Ну, право, их затеи не у места!
И не таких я женихов

С двора с поклоном проводила;
Пойду ль я за кого из этих чудаков?
Как будто б я себя замужством торопила,
Мне жизнь девическа ничуть не тяжела:
День весела, и ночь я, право, сплю спокойно:
Так замуж кинуться ничуть мне не пристойно».
Толпа и эта уплыла.
Потом, отказы слыша те же,
Уж стали женихи наворачиваться реже.
Проходит год,
Никто нейдет;
Еще минул годок, еще уплыл год целой:
К ней свах никто не шлет.
Вот наша девушка уж стала девой зрелой.
Зачнет считать своих подруг
(А ей считать большой досуг):
Та замужем давно, другую сговорили;
Ее как будто позабыли.
Закралась грусть в красавицыну грудь.
Посмотришь: зеркало докладывавать ей стало,
Что каждый день, а что-нибудь
Из прелести ее лихое время крало.
Сперва румянца нет; там живости в глазах;
Умильны ямочки пропали на щеках;
Веселость, резвости как будто ускользнули;
Там волоска два-три седые проглянули:
Беда со всех сторон!
Бывало, без нее собранье не прелестно;
От пленников ее вокруг ней бывало тесно:
А ныне, ах! ее зовут уж на бостон!
Вот тут спесивица переменяет тон.
Рассудок ей велит замужством торопиться:
Перестает она гордиться.
Как косо на мужчин девица ни глядит,
А сердце ей за нас всегда свое твердит.
Чтоб в одиночестве не кончить веку,
Красавица, пока совсем не отцвела,
За первого, кто к ней присватался, пошла:
И рада, рада уж была,
Что вышла за калеку.

VIII. Парнас

Когда из Греции вон выгнали богов
И по мирянам их делить поместья стали,
Кому-то и Парнас тогда отмежевали;
Хозяин новый стал пасти на нем ослов.

Ослы, не знаю как-то, знали,
Что прежде Музы тут живали,
И говорят: «Недаром нас
Пригнали на Парнас:
Знать, Музы свету надоели,
И хочет он, чтоб мы здесь пели». —
«Смотрите же, – кричит один, – не унывай!
Я затяну, а вы не отставай!
Друзья, робеть не надо!
Прославим наше стадо
И громче девяти сестер
Подыдем музыку и свой составим хор!
А чтобы нашего не сбили с толку братства,
То заведем такой порядок мы у нас:
Коль нет в чьем голосе ослиного приятства,
Не принимать тех на Парнас».

Одобрили ослы ослово
Красно-хитро-сплетенно слово:
И новый хор певцов такую дичь занес,
Как будто тронулся обоз,
В котором тысяча немазанных колес.
Но чем окончилось разно-красиво пенье?
Хозяин, потеряв терпенье,
Их всех загнал с Парнаса в хлев.

Мне хочется, невеждам не во гнев,
Весьма старинное напомнить мнение:
Что если голова пуста,
То голове ума не придадут места.

IX. Оракул

В каком-то капище был деревянный бог,
И стал он говорить пророчески ответы
И мудрые давать советы.
За то от головы до ног
Обвешан и серебром и златом,
Стоял в наряде пребогатом,
Завален жертвами, мольбами заглушен
И фимиамом задушен.
В оракула все верят слепо;
Как вдруг, – о чудо, о позор! —
Заговорил оракул вздор:
Стал отвечать нескладно и нелепо;
И кто к нему зачем ни подойдет,
Оракул наш что молвит, то соврет;
Ну так, что всякий дивовался,
Куда пророческий в нем дар девался!
А дело в том,
Что идол был пустой и саживались в нем
Жрецы вещать мирянам.
И так,
Пока был умный жрец, кумир не путал врак;
А как засел в него дурак,
То идол стал болван болваном.

Я слышал – правда ль? – будто встарь
Судей таких видали,
Которые весьма умны бывали,
Пока у них был умный секретарь.

Х. Василек

В глуши расцветший Василек
Вдруг захирел, завял почти до половины,
И, голову склоня на стебелек,
Уныло ждал своей кончины;
Зефиру между тем он жалобно шептал:
«Ах, если бы скорее день настал

И солнце красное поля здесь осветило,
Быть может, и меня оно бы оживило?» —
«Уж как ты прост, мой друг! —
Ему сказал, вблизи копаясь, Жук. —
Неужли солнышку лишь только и заботы,
Чтобы смотреть, как ты растешь,
И вянешь ты, или цветешь?
Поверь, что у него ни время, ни охоты
На это нет.
Когда бы ты летал, как я, да знал бы свет,
То видел бы, что здесь луга, поля и нивы
Им только и живут, им только и счастливы.
Оно своею теплотой
Огромные дубы и кедры согревает
И удивительною красотой
Цветы душистые богато убирает;
Да только те цветы
Совсем не то, что ты:
Они такой цены и красоты,
Что само время их, жалея, косит,
А ты ни пышен, ни пахуч,
Так солнца ты своей доукою не мучь!
Поверь, что на тебя оно луча не бросит,
И добиваться ты пустого перестань,
Молчи и вянь!»
Но солнышко взошло, природу осветило.
По царству Флорину рассыпало лучи,
И бедный Василек, завянувший в ночи,
Небесным взором оживило.

О вы, кому в удел судьбою дан
Высокий сан!
Вы с солнца моего пример себе берите!
Смотрите:
Куда лишь луч его достанет, там оно
Былинке ль, кедру ли – благотворит равно
И радость по себе и счастье оставляет;
Зато и вид его горит во всех сердцах,
Как чистый луч в восточных хрусталях,
И всё его благословляет.

XI. Роща и Огонь

С разбором выбирай друзей.
Когда корысть себя личиной дружбы кроет, —
Она тебе лишь яму роет.
Чтоб эту истину понять еще ясней,
Послушай басенки моей.

Зимою Огонек под Рощей тлился;
Как видно, тут он был дорожными забыт.
Час от часу Огонь слабее становился;
Дров новых нет; Огонь мой чуть горит
И, видя свой конец, так Роще говорит:
«Скажи мне, Роща дорогая!
За что твоя так участь жестока,
Что на тебе не видно ни листка,
И мерзнешь ты совсем нагая?» —
«Затем, что, вся в снегу,
Зимой ни зеленеть, ни цвести я не могу», —
Огню так Роща отвечает.
«Безделица! – Огонь ей продолжает, —
Лишь подружись со мной; тебе я помогу.
Я солнцев брат и зимнею порою
Чудес не меньше солнца строю.
Спроси в теплицах об Огне:
Зимой, когда кругом и снег и вьюга веет,
Там все или цветет, иль зреет:
А всё за всё спасибо мне.
Хвалить себя хоть не пристало,
И хвастовства я не люблю,
Но солнцу в силе я никак не уступлю.
Как здесь оно спесиво ни блистало,
Но без вреда снегам спустилось на ночлег;
А около меня, смотри, как тает снег,
Так если зеленеть желаешь ты зимою,
Как летом и весною,
Дай у себя мне уголок!»
Вот дело слажено: уж в Роще Огонек
Становится Огнем; Огонь не дремлет:
Бежит по ветвям, по сучкам;
Клубами черный дым несется к облакам,
И пламя лютее всю Рощу вдруг объемлет.
Погибло все вконец, – и там, где в знойны дни
Прохожий находил убежище в тени,
Лишь обгорелые пеньки стоят одни.
И нечему дивиться:
Как дереву с огнем дружить?

ХII. Чиж и Еж

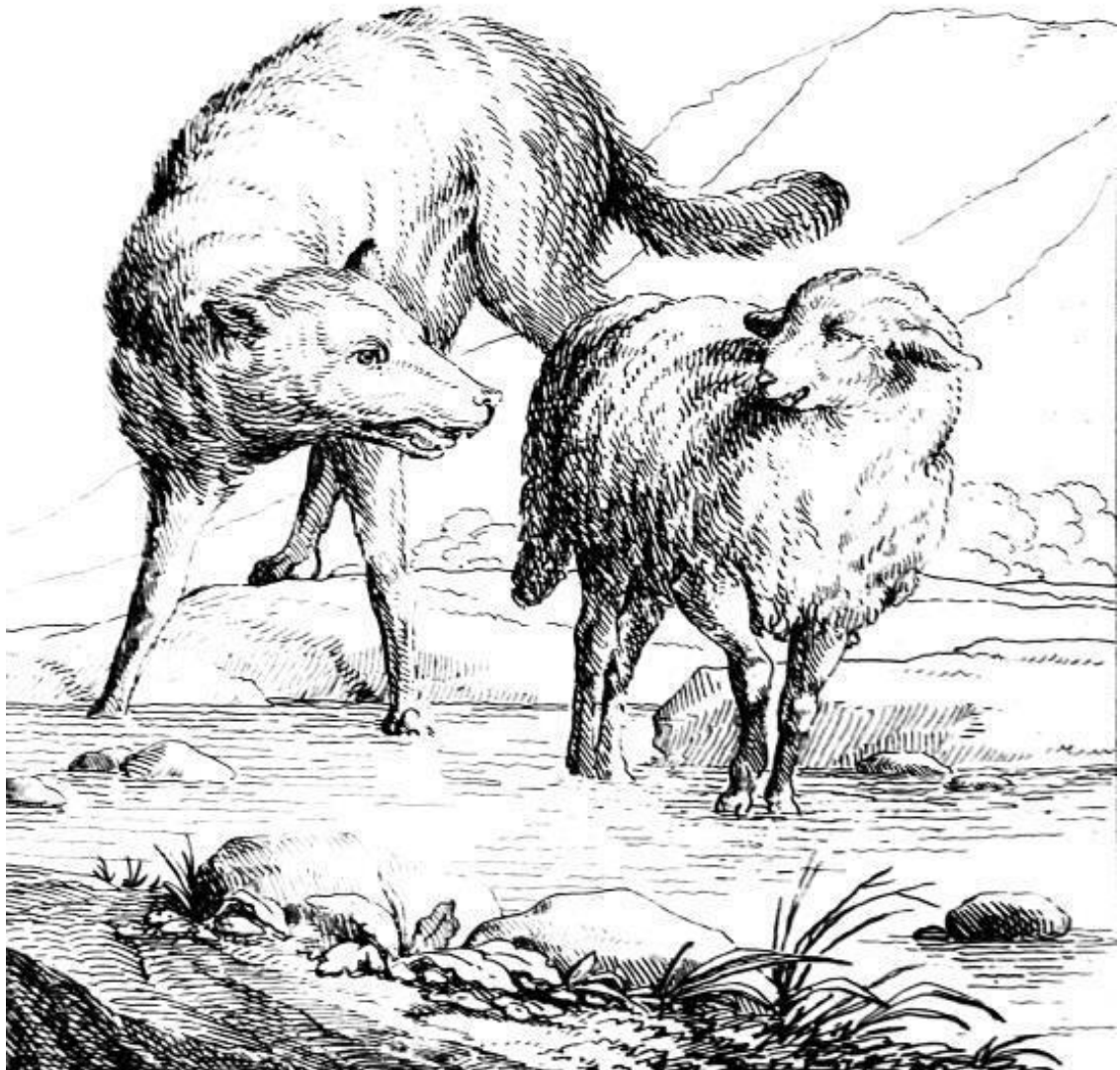
Уединение любя,
Чиж робкий на заре чирикал про себя,
Не для того, чтобы похвал ему хотелось,
И не за что; так как-то пелось!
Вот в блеске и во славе всей
Феб лучезарный из морей
Поднялся.
Казалось, что с собой он жизнь принес всему,
И в сретенье ему
Хор громких соловьев в густых лесах раздался.
Мой Чиж замолк. «Ты что ж, —
Спросил его с насмешкой Еж, —
Приятель, не поешь?» —
«Затем, что голоса такого не имею,
Чтоб Феба я достойно величал, —
Сквозь слез Чиж бедный отвечал, —
А слабым голосом я Феба петь не смею».

Так я крушуся и жалею,
Что лиры Пиндара мне не дано в удел:
Я б Александра пел.

ХIII. Волк и Ягненок

У сильного всегда бессильный виноват:
Тому в истории мы тьму примеров слышим,
Но мы истории не пишем;
А вот о том как в баснях говорят.

Ягненок в жаркий день зашел к ручью напиться;
И надобно ж беде случиться,
Что около тех мест голодный рыскал Волк.
Ягненка видит он, на добычу стремится;
Но, делу дать хотя законный вид и толк,
Кричит: «Как смеешь ты, наглец, нечистым рылом
Здесь чистое мутить питье
Мое
С песком и с илом?
За дерзость такову

Я голову с тебя сорву». —
«Когда светлейший Волк позволит,
Осмелюсь я донести, что ниже по ручью
От Светлости его шагов я на сто пью;
И гневаться напрасно он изволит:
Питья мутить ему никак я не могу». —
«Поэтому я лгу!
Негодный! слыхана ль такая дерзость в свете!
Да помнится, что ты еще в запрошлом лете
Мне здесь же как-то нагрубил:
Я этого, приятель, не забыл!» —
«Помилуй, мне еще и от роду нет году», —
Ягненок говорит. «Так это был твой брат». —
«Нет братьев у меня». — «Так это кум иль сват
И, словом, кто-нибудь из вашего же роду.
Вы сами, ваши псы и ваши пастухи,
Вы все мне зла хотите
И, если можете, то мне всегда вредите,
Но я с тобой за их разведаюсь грехи». —
«Ах, я чем виноват?» — «Молчи! устал я слушать,
Досуг мне разбирать вины твои, щенок!
Ты виноват уж тем, что хочется мне кушать».
Сказал — и в темный лес Ягненка поволок.

XIV. Обезьяны

Когда перенимать с умом, тогда не чудо
И пользу от того сыскать;
А без ума перенимать,

И Боже сохрани, как худо!
Я приведу пример тому из дальних стран.
Кто обезьян видал, те знают,
Как жадно всё они перенимают.
Так в Африке, где много обезьян,
Их стая целая сидела
По сучьям, по ветвям на дереве густом
И на ловца украдкою глядела,
Как по траве в сетях катался он кругом.
Подруга каждая тут тихо толк подругу,
И шепчут все друг другу:
«Смотрите-ка на удальца;
Затеям у него так, право, нет конца:
То кувыркнется,
То развернется,
То весь в комок
Он так сберется,
Что не видать ни рук, ни ног.
Уж мы ль на все не мастерицы,
А этого у нас искусства не видать!
Красавицы-сестрицы!
Не худо бы нам это перенять.
Он, кажется, себя довольно позабавил;
Авось уйдет, тогда мы тотчас...» Глядь,
Он подлинно ушел и сети им оставил.
«Что ж, – говорят они, – и время нам терять?
Пойдем-ка попытаться!»
Красавицы сошли. Для дорогих гостей
Разостлано внизу премножество сетей.
Ну в них они кувы ркаться, кататься,
И кутаться, и завиваться;
Кричат, визжат – веселье хоть куда!
Да вот беда,
Когда пришло из сети выдираться!
Хозяин между тем стерег
И, видя, что пора, идет к гостям с мешками.
Они – чтоб наутек,
Да уж никто распутаться не мог:
И всех их по брали руками.

XV. Синица

Синица на море пустилась:
Она хвалилась,
Что хочет море сжечь.
Расславилась тотчас о том по свету речь.
Страх обнял жителей Нептуновой столицы;
Летят стадами птицы;

А звери из лесов сбегаются смотреть,
Как будет океан и жарко ли гореть.
И даже, говорят, на слух молвы крылатой,
Охотники таскаться по пирам
Из первых с ложками явились к берегам,
Чтоб похлебать ухи такой богатой,
Какой-де откупщик и самый тороватый
Не даывал секретарям.
Толпятся: чуду всяк заранее дивится,
Молчит и, на море глаза уставя, ждет;
Лишь изредка иной шепнет:
«Вот закипит, вот тотчас загорится!»
Не тут-то: море не горит.
Кипит ли хоть? – и не кипит.
И чем же кончились затеи величавы?
Синица со стыдом всвояси уплыла;
Наделала Синица славы,
А море не зажгла.

—

Примолвить к речи здесь годится,
Но ничьего не трогая лица:
Что делом, не сведя конца,
Не надобно хвалиться.

XVI. Осел

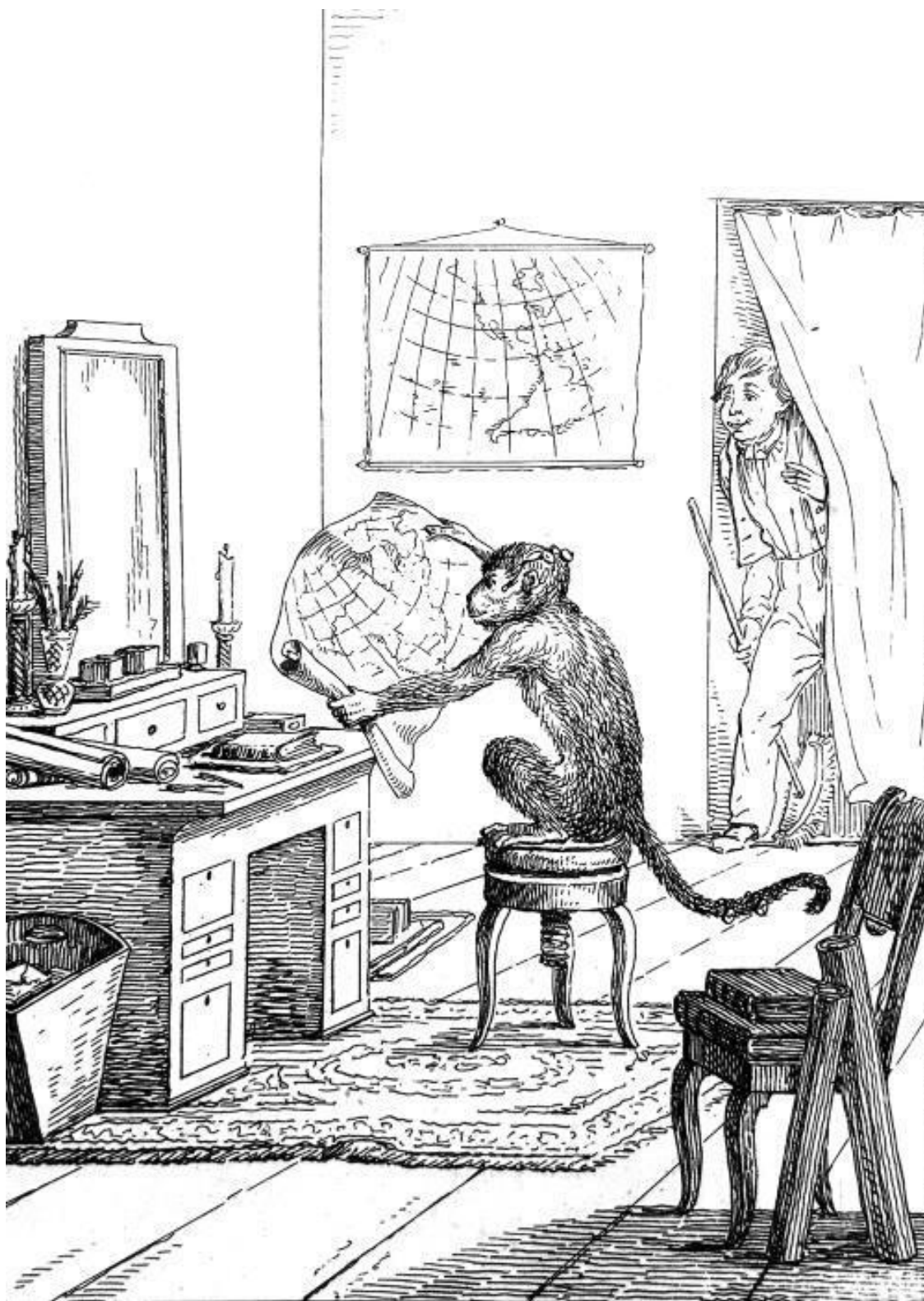
Когда вселенную Юпитер населял
И заводил различных тварей племя,
То и Осел тогда на свет попал.
Но с умыслу ль, или, имея дел берема,
В такое хлопотливо время

Тучегонитель оплошал:
А вылился Осел почти как белка мал.
Осла никто почти не примечал,
Хоть в спеси никому Осел не уступал.
Ослу хотелось бы повеличаться;
56
Но чем? имея рост такой,
И в свете стыдно показаться.
Пристал к Юпитеру Осел спесивый мой
И росту стал просить большого.
«Помилуй, – говорит, – как можно это снесть?
Львам, барсам и слонам везде такая честь;
Притом, с великого и до меньшого,
Всё речь о них лишь да о них;
За что ж к ослам ты столько лих,
Что им честей нет никаких,
И об ослах никто ни слова?
А если б ростом я с теленка только был,
То спеси бы со львов и с барсов я посбил,
И весь бы свет о мне заговорил».
Что день, то снова
Осел мой то ж Зевесу пел;
И до того он надоел,
Что, наконец, моления Ослова
Послушался Зевес.
И стал Осел скотиной превеликой;
А сверх того ему такой дан голос дикой,
Что мой ушастый Геркулес
Пораспугал было весь лес.
«Что то за зверь? какого роду?
Чай, он зубаст? рогов, чай, нет числа?»
Ну только и речей пошло, что про Осла.
Но чем все кончилось? Не минуло и году,
Как все узнали, кто Осел:
Осел мой глупостью в пословицу вошел.
И на Осле уж возят воду.

В породе и в чинах высота хороша;
Но что в ней прибыли, когда низка душа?

XVII. Мартышка и Очки

Мартышка к старости слаба глазами стала;
А у людей она слыхала,
Что это зло еще не так большой руки:

Лишь стоит завести очки.
Очков с полдюжины себе она достала;
Вертит очками так и сяк:
То к темю их прижмет, то их на хвост нанижет,
То их понюхает, то их полижет;
Очки не действуют никак.
«Тьфу пропасть! – говорит она, – и тот дурак,
Кто слушает людских всех врак;
Всё про очки лишь мне налгали;
А проку на волос нет в них».
Мартышка тут с досады и с печали
О камень такхватила их,
Что только брызги засверкали.

К несчастью, то ж бывает у людей:
Как ни полезна вещь, – цены не зная ей,
Невежда про нее свой толк все к худу клонит;
А ежели невежда познатней,
Так он ее еще и гонит.

XVIII. Два Голубя

Два Голубя как два родные брата жили,
Друг без друга они не ели и не пили;
Где видишь одного, другой уж, верно, там;
И радость и печаль – всё было пополам.
Не видели они, как время пролетало;
Бывало грустно им, а скучно не бывало.
Ну, кажется, куда б хотеть
Или от милой, иль от друга?
Нет, вздумал странствовать один из них – лететь
Увидеть, осмотреть
Диковинки земного круга,
Ложь с истиной сличить, поверить быль с молвой.
«Куда ты? – говорит сквозь слез ему другой; —
Что пользы по свету таскаться?
Иль с другом хочешь ты расстаться?
Бессовестный! когда меня тебе не жаль,
Так вспомни хищных птиц, силки, грозы ужасны,
И всё, чем странствия опасны!
Хоть подожди весны лететь в такую даль:
Уж я тебя тогда удерживать не буду.
Теперь еще и корм и скуден так, и мал;

Да, чу! и ворон прокричал:
Ведь это, верно, к худу.
Останься дома, милый мой,
Ну, нам ведь весело с тобой!
Куда ж еще тебе лететь, не разумею;
А я так без тебя совсем осиротею.
Силки, да коршуны, да громы только мне
Казаться будут и во сне;
Всё стану над тобой бояться я несчастья:
Чуть тучка лишь над головой,
Я буду говорить: ах! где-то братец мой?
Здоров ли, сыт ли он, укрыт ли от ненастья!»
Растрогала речь эта Голубка;
Жаль братца, да лететь охота велика:
Она и рассуждать и чувствовать мешает.
«Не плачь, мой милый, – так он друга утешает, —
Я на три дня с тобой, не больше, разлучусь.
Все наскоро в пути замечу на полете,
И, осмотрев, что есть диковинней на свете,
Под крылышко к дружку назад я ворочусь.
Тогда-то будет нам о чем повесть словечко!
Я вспомню каждый час и каждое местечко;
Все расскажу: дела ль, обычай ли какой,
Иль где какое видел диво.
Ты, слушая меня, представишь все так живо,
Как будто б сам летал ты по свету со мной».
Тут – делать нечего – друзья поцеловались,
Простились и расстались.
Вот странник наш летит; вдруг встречу дождь и гром;
Под ним, как океан, синее степь кругом.
Где деться? К счастью, дуб сухой в глаза попался;
Кой-как угнезвился, прижался
К нему наш Голубок;
Но ни от ветру он укрыться тут не мог,
Ни от дождя спастись: весь вымок и продрог.
Утих помалу гром. Чуть солнце просияло,
Желанье позывать бедняжку далё стало.
Встряхнулся и летит, – летит и видит он:
В глуши под леском рассыпана пшеничка.
Спустился – в сети тут попалась наша птичка!
Беды со всех сторон!
Трепещется он, рвется, бьется;
По счастью, сеть стара: кой-как ее прорвал,
Лишь ножку вывихнул да крылышко помял!
Но не до них: он прочь без памяти несется.
Вот пуще той беды, беда над головой.
Отколь ни взялся ястреб злой;
Незвидел света Голубь мой!
От ястреба из сил последних машет.

Ах, силы вкортке! совсем истощены!
Уж когти хищные над ним распущены;
Уж холодом в него с широких крыльев пашет.
Тогда орел, с небес направля свой полет,
Ударил в ястреба всей силой —
И хищник хищнику достался на обед.
Меж тем наш Голубь милой,
Вниз камнем ринувшись, прижался под плетнем.
Но тем еще не кончилось на нем:
Одна беда всегда другую накликает.
Ребенок, черепком наметя в Голубка, —
Сей возраст жалости не знает, —
Швырнул – и раскроил висок у бедняка.
Тогда-то странник наш, с разбитой головою,
С попорченным крылом, с повихнутой ногою,
Кляня охоту видеть свет,
Поплелся кое-как домой без новых бед.
Счастлив еще: его там дружба ожидает!
К отраде он своей,
Услуги, лекаря и помощь видит в ней;
С ней скоро все беды и горе забывает.

—

О вы, которые объехать свет вокруг
Желанием горите!
Вы эту басенку прочтите,
И в дальний путь такой пускайтесь не вдруг.
Что б ни сулило вам воображенье ваше;
Но, верьте, той земли не сыщете вы краше,
Где ваша милая иль где живет ваш друг.

XIX. Червонец

Полезно ль просвещение?
Полезно, слова нет о том.
Но просвещением зовем
Мы часто роскоши прельщенье
И даже нравов развращенье;

Так надобно гораздо разбирать,
Как станешь грубости кору с людей сдирать,
Чтоб с ней и добрых свойств у них не растерять,
Чтоб не ослабить дух их, не испортить нравы,
Не разлучить их с простотой
И, давши только блеск пустой,
Бесславья не навлечь им вместо славы.
Об этой истине святой
Преважных бы речей на целу книгу стало;
Да важно говорить не всякому пристало:
Так с шуткой пополам
Я басней доказать ее намерен вам.

Мужик, простак, каких везде немало,
Нашел червонец на земли.
Червонец был запачкан и в пыли;
Однако ж пятаков пригоршни трои
Червонца на обмен крестьянину дают.
«Постой же, – думает мужик, – дадут мне вдвое;
Придумал кой-что я такое,
Что у меня его с руками оторвут».
Тут, взяв песку, дресвы и мелу
И натолокши кирпича,
Мужик мой приступает к делу.
И со всего плеча
Червонец о кирпич он точит,
Дресвой дерет,
Песком и мелом трет;
Ну, словом, так, как жар, его поставить хочет.
И подлинно, как жар червонец заиграл:
Да только стало
В нем весу мало,
И цену прежнюю червонец потерял.

XX. Троеженец

Какой-то греховодник
Женился от живой жены еще на двух.
Лишь до царя о том донесся слух
(А царь был строг и не охотник

Таким соблазнам потакать),
Он Многоженца вмиг велел под суд отдать
И выдумать ему такое наказание,
Чтоб в страх привести народ
И покуситься бы никто не мог вперед
На столь большое злодеянье:
«А коль увижу-де, что казнь ему мала,
Повешу тут же всех судей вокруг стола».
Судьям худые шутки:
В холодный пот кидает их боязнь.
Судьи толкуют трои сутки,
Какую б выдумать преступнику им казнь.
Их есть и тысячи; но опытами знают,
Что все они людей от зла не отучают.
Однако ж, наконец, их надоумил Бог.
Преступник призван в суд для объявления
Судейского решения,
Которым, с общего суждения,
Приговорили: жен отдать ему всех трех.
Народ суду такому изумился
И ждал, что царь велит повесить всех судей;
Но не прошло четырех дней,
Как Троеженец удавился;
И этот приговор такой наделал страх,
Что с той поры на трех женах
Никто в том царстве не женился.

XXI. Безбожники

Был в древности народ, к стыду земных племен,
Который до того в сердцах ожесточился,
Что противу богов вооружился.
Мятежные толпы за тысячью знамен,
Кто с луком, кто с пращей, шумя, несутся в поле.

Зачинщики из удалых голов,
Чтобы поджечь в народе буйства боле,
Кричат, что суд небес и строг, и бестолков;
Что боги или спят, иль правят безрассудно;
Что проучить пора их без чинов;
Что, впрочем, с ближних гор камнями нетрудно
На небо дошвырнуть в богов
И заметать Олимп стрелами.
Смутясь дерзостью безумцев и хулами,
К Зевесу весь Олимп с мольбою приступил,
Чтобы беду он отвратил;
И даже весь совет богов тех мыслей был,
Что к убеждению бунтующих не худо
Явить хоть небольшое чудо:
Или потоп, иль с трусом гром,
Или хоть каменным ударить в них дождем.
«Пождем, —
Юпитер рек, — а если не смирятся
И в буйстве прекоснят, бессмертных не боясь,
Они от дел своих казнятся».
Тут с шумом в воздухе взвилась
Тьма камней, туча стрел от войск богоматежных,
Но с тысячью смертей, и злых, и неизбежных,
На собственные их обрушились главы.

Плоды неверия ужасны таковы;
И ведайте, народы, вы,
Что мнимых мудрецов кощунства толки смелы,
Чем против божества вооружают вас,
Погибельный ваш приближают час,
И обратятся все в громовые вам стрелы.

XXII. Орел и Куры

Желая светлым днем вполне налюбоваться,
Орел поднебесью летал
И там гулял,
Где молнии роятся.
Спустившись, наконец, из облачных вышин,
Царь-птица отдыхать садится на овин.
Хоть это для Орла насесток незавидный,
Но у царей свои причуды есть:
Быть может, он хотел овину сделать честь,

Иль не было вблизи ему по чину сесть,
Ни дуба, ни скалы гранитной;
Не знаю, что за мысль, но только что Орел
Немного посидел
И тут же на другой овин перелетел.
Увидя то, хохлатая наседка
Толкует так с своей кумой:
«За что Орлы в чести такой?
Неужли за полет, голубушка соседка?
Ну, право, если захочу,
С овина на овин и я перелечу.
Не будем же вперед такие дуры,
Чтоб почитать Орлов знатнее нас.
Не больше нашего у них ни ног, ни глаз;
Да ты же видела сейчас,
Что понизу они летают так, как куры».
Орел отвечает, наскуча вздором тем:
«Ты права, только не совсем.
Орлам случается и ниже кур спускаться;
Но курам никогда до облак не подняться!»

—

Когда таланты судишь ты,
Считать их слабости трудов не трать напрасно;
Но, чувствуя, что в них и сильно, и прекрасно,
Умей различны их постигнуть высоты.

Книга Вторая

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.